

Цимбалова Юлия Александровна

ОБРАЗ РЕБЕНКА В РАССКАЗАХ В. И. БЕЛОВА

В статье анализируются взаимоотношения двух миров - детского и взрослого, органическая включенность ребенка в сферу деятельности взрослых, что обусловлено и традиционным образом жизни народа, и историческим временем, в котором происходят события (Великая Отечественная война, послевоенное время). Автором выявляется место героя-ребенка в системе персонажей, определяются статус и функции данного образа в тематической и пространственно-временной организации рассказов, а также ценностный аспект образа ребенка в структуре малой прозаической формы В. И. Белова. Автор опирается на представления В. И. Белова о "должном" бытии, зафиксированные писателем в книге очерков о народной эстетике "Лад".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/5-1/54.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (47): в 2-х ч. Ч. I. С. 209-213. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье анализируются взаимоотношения двух миров – детского и взрослого, органическая включенность ребенка в сферу деятельности взрослых, что обусловлено и традиционным образом жизни народа, и историческим временем, в котором происходят события (Великая Отечественная война, послевоенное время). Автором выявляется место героя-ребенка в системе персонажей, определяются статус и функции данного образа в тематической и пространственно-временной организации рассказов, а также ценностный аспект образа ребенка в структуре малой прозаической формы В. И. Белова. Автор опирается на представления В. И. Белова о «должном» бытии, зафиксированные писателем в книге очерков о народной эстетике «Лад».

Ключевые слова и фразы: малая прозаическая форма; онтологическая проза; образ ребенка; место героя-ребенка в системе персонажей; историко-литературный контекст; пространственно-временная организация; народная эстетика.

Цимбалова Юлия Александровна

Тюменский государственный университет

rijuliya@yandex.ru

ОБРАЗ РЕБЕНКА В РАССКАЗАХ В. И. БЕЛОВА[©]

Культурологический смысл образа ребенка универсален, поскольку детство, наряду с рождением и смертью, является общечеловеческой категорией. Многие факторы свидетельствуют об укреплении полноценности и самооценности статуса ребенка в культуре современного общества. В литературе это выражается в активном обращении писателей второй половины XX века (В. П. Астафьева, Е. И. Носова, Ф. А. Абрамова, В. М. Шукшина, В. И. Белова, В. Г. Распутина) к образам детей, включение детских образов в систему персонажей и в произведение для взрослых.

Особенности детских образов в рассказах В. И. Белова обусловлены не только спецификой художественного мира писателя, но и историко-литературным контекстом. Прежде всего, многие исследователи (Г. А. Белая (1982), А. М. Зверев (1982), В. Л. Блескун (1992), А. Ю. Большакова (2011), Ю. И. Селезнев (1983)) отмечают идейное единство произведений второй половины XX века, обращающихся к сущностным вопросам бытия: человек и природа, личность и история, человек и судьба. На начальном этапе (60-80-е гг. XX века) в данный период наиболее адекватной жанровой формой осмысления действительности для представителей онтологической прозы становится рассказ, поскольку жанровая природа рассказа позволяет в ограниченных пределах изобразить «одно мгновение из жизни человека» или представить жизнь как «цепочку из нескольких однокачественных эпизодов», вскрывающих основную проблему [9, с. 65-70]. Лаконичность жанровой формы обусловлена, на наш взгляд, также стремлением воссоздать в художественном произведении универсальную модель мира, позволяющую спроецировать ее на собственный опыт.

Важность детства как одного из ключевых этапов жизненного развития обусловлена необходимостью изучения и осмысления процессов, влияющих на развитие и становление личности. Как отмечает В. Я. Зимин, тема детства в русской литературе всегда была связана с кругом других вопросов: проблем народа, личности, родины. Исследователь отмечает, что в трактовке русских писателей детство является не только символом беззаботности и счастья, но и особым видением мира, основанном «на коренной черте русской души – извечной сыновности и стремлении ее к очищению» [6, с. 30].

Образы детей осмысляются представителями онтологической прозы в разных аспектах. Так, тема семьи и детства, детские образы в рассказах В. П. Астафьева «Царь-рыба», по мысли А. Н. Кузиной, проецируются на отношения человека и природы. Подобно тому, как не может жить человек без семьи, он неразрывно связан с природой [7, с. 8]. Образы детей в рассказах В. Г. Распутина («Уроки французского», «Нежданно-негаданно», «Век живи, век люби», «Что передать вороне», «Мама куда-то ушла») актуализируют вопрос о нравственном становлении личности. Сюжет концентрирует внимание на тех моментах, которые оказывают основополагающее влияние на формирование у ребенка представлений о должной модели поведения. Например, в рассказе «Век живи, век люби» представлена ситуация открытия ребенком неизведанного мира тайги. В «Уроках французского» повествователь изображает период обретения ребенком самостоятельности [10].

Детские образы в рассказах В. И. Белова [2] охватывают разные социально-возрастные группы: совсем малыши («Колыбельная», «Весна»), дети младшего дошкольного возраста («Колоколена», «Гриша Фунт»), дошкольники («Скворцы», «Даня», «Вовка-сатюк»), младшего школьного возраста («Мальчики»), подростки («Старый да малый», «Скакал казак», «Иду домой», «Под извоз», «Калорийная булочка»). Дети в названных произведениях воспитываются дома («Колыбельная», «Колоколена», «Скворцы», «Гриша Фунт», «Вовка-сатюк») или в детском саду («Даня»), учатся в школе («Под извоз», «Тезки», «Старый и малый») или вынуждены бросить учебу для того, чтобы помогать взрослым содержать семью («Скакал казак», «Иду домой», «Калорийная булочка»).

Наличие героев детского возраста в произведениях, относящихся к онтологической прозе, А. Ю. Большакова объясняет тем, что основу этого художественного мира составляют онтологические узловые моменты, в числе которых первичное открытие мира в детстве [4, с. 278]. Данный факт обуславливает сложность

временной организации в рассказах В. И. Белова. Мотив памяти в рассказах «Калорийная булочка», «Иду домой», «Не гарывали», «Вовка-сатюк», «Иду домой» устанавливает логику связи прошлого с настоящим, что роднит рассказы В. И. Белова с произведениями В. Г. Распутина, В. П. Астафьева, Ф. А. Абрамова. Отличительно чертой рассказов В. И. Белова можно считать рефлексии рассказчика по поводу своих детских впечатлений: «Здесь погибали и взрослые бывалые люди, но я это осознал намного позднее. Тогда же у меня не было даже никаких мыслей, было одно ощущение отчаяния» [2, с. 479]. Но весь ужас произошедшего заключался не только и не столько в том, что он заблудился и чуть не погиб, а в том, что его мать ждало жестокое наказание за то, что сын упустил колхозных коров.

О функционировании мотива памяти в качестве сюжетного скрепа в рассказах Астафьева, Распутина пишет Л. В. Блескун, объясняя роль данного структурного элемента требованием жанра выстроить судьбу героя не от начала до конца, а по основным «вехам» [3, с. 12]. В рассказах В. И. Белова, как и в произведениях В. Г. Распутина, Ф. А. Абрамова, В. П. Астафьева, в изображении детства рассказчик или повествователь выбирает определенный, этически и нравственно значимый эпизод. Так, в рассказе «Вовка-сатюк» повествователь фиксирует: «Вовке было семь лет, и все, что происходило с ним в это лето, навсегда осядет в его безгрешном сердчишке» [2, с. 451]. Обстоятельство «навсегда» подчеркивает, что лето, проведенное ребенком в деревне, оказало необратимое влияние на становление личности ребенка. Детское восприятие, подчеркивает писатель, отличается той внимательностью, которую утрачивает взрослый человек, в связи с чем, любая мелочь может вызвать как восторг, так и отрицательные эмоции в душе ребенка. Подобная мысль о хрупкости детского восприятия прослеживается в рассказе Ф. А. Абрамова «Трясогузка»: всего-навсего подстреленная на охоте птица стала причиной сильной обиды племянника на своего дядю. Аналогично можно найти и в рассказе В. Г. Распутина «Что передать вороне?»: рассказчик испытывает чувство вины за то, что ради своих интересов пожертвовал вниманием дочери.

Память героя в рассказе «Не гарывали» также отличается избирательностью. Ощущение растерянности, которое испытывает заблудившийся герой-рассказчик в настоящем, становится поводом для воспоминания о том моменте детства, когда к нему пришло открытие: в жизни нет чудес. В свою очередь, эти чувства вызывают растерянность другого уровня у читателя. Деревенька Огнище, где останавливается рассказчик на ночлег, была когда-то богатой деревней, но люди разъехались. Представляя собой модель «микромир в макромире» (термин А. Ю. Большаковой), образ Огнища побуждает к размышлению о судьбах сел и деревень, разрушенных в связи с ростом городов. Уходит в прошлое не только деревенская жизнь, но и национальные традиции, которые неразрывно связаны с земледельческим трудом. В связи с этим функционирование детских образов в рассказах В. И. Белова обусловлено вопросом о преемственности поколений и будущем развитии государства.

В рассказе «Калорийная булочка» рассказчик вспоминает своего друга Оську. К воспоминаниям о страшном голодном детстве побуждает рассказчика жест дамы, которая вытирала булочкой руки. Для человека, понимающего ценность пищи как условия жизни, такой жест недопустим и оскорбителен. Кроме того, в народной культуре, как отмечает М. М. Валенцова, «с помощью пищи осуществлялось магическое воздействие на жизненные процессы» [5, с. 202]. Иными словами, использование пищи не по назначению в данном случае можно рассматривать как кощунственное.

В рассказах «Старый да малый», «Даня», «Скворцы», «Тезки», «Скакал казак», «Мальчики» мысль автора посредством сюжета, напротив, акцентируется на будущем. В первых двух произведениях это будущее явно представлено в оптимистических тонах, повествователь рассуждает о том, что герои вырастут и приобретут новый жизненный опыт. В остальных рассказах финал открыт и представляет несколько возможных вариантов развития. Учитывая специфику онтологической прозы, возводящую проблематику произведений за пределы национально-этнического и социального характера, стоит отметить универсальность трактовки образов детей в рассказах Белова. Детство осмысливается писателем не только в связи с верой в будущее, но и как продолжение рода и возрождение традиционной культуры. Много обстоятельств может повлиять на ход событий, так как все в мире взаимосвязано.

Сложность временной организации в рассказах В. И. Белова обусловлена не только соотносительностью нескольких временных пластов. Следует учитывать взаимодействие исторического и субъективного времен с ходом народного календаря. В рассказах «Мальчики», «Даня», «Под извоз», «Не гарывали» основные события происходят зимой в сельской местности. Соотносительность объективного исторического и субъективного времен позволяют выявить особенности мировосприятия героев. Подросток Борька («Под извоз») за время короткой поездки приобретает колоссальный жизненный опыт, борясь с голодом и страхом: «...он едет на станцию всего второй или третий раз и боится дороги больше, чем бабы <...> Ему одному-то и пропасть можно, а тут голодный и в дорожной котомке только шесть вареных картошин» [2, с. 15]. Для Борьки эти несколько дней становятся временем обретения жизненного опыта. Зима для Дани («Даня») становится временем открытий прекрасного в природном мире. Имитация повествователем манеры речи ребенка за счет использования междометий, восклицательных предложений, уменьшительно-ласкательных суффиксов передает восторженное восприятие окружающего мира: «Ох, и снегу на улице! Уже почти вечер, солнышко село, а снег все равно белый. Только тропинки к воротам не белые – наверно, от валенок. Весь поселок дымит тоже белым и пушистым дымом» [Там же, с. 449].

В рассказе «Не гарывали» выделяется два временных плана. Осенний костер в детских воспоминаниях рассказчика – это не только место сбора детей после работы, но и символ единения рассказчика с миром, постижение его уникальности, что подчеркивают эпитеты, характеризующие детское восприятие мира: «И таким загадочно-радостным, необычным казался нам окружающий мир» [Там же, с. 6]. Это состояние противопоставлено состоянию растерянности и одиночества, в котором пребывает в настоящее время герой, что актуализируется посредством образов метели, полуразрушенной деревеньки Огнище. Мысль о дисгармонии современного человека, потерявшего вместе с отрывом от деревни всякую опору в жизни, созвучна идеям В. Г. Распутина («В ту же землю», «Прощание с Матерой», «Пожар»).

Название «Весна» определяет хронологические рамки событий. Образ мальчика Витьки не включен в развитие основной сюжетной линии. Известно, что он родился недоноском, назло судьбе «взял и выжил» [Там же, с. 28]. Образ ребенка, воплощающий идею возрождения, надежды, задает в рассказе тему «жизни вопреки». Развивает тему история его матери за счет сравнения: «С той поры Польша переменялась вся начисто, словно родился не Витька, а она сама» [Там же]. Состояние героев и природы тесно взаимосвязаны и созвучны состоянию страны, пережившей тяжелые военные зимы: «С ночного юга катилось вал за валом густое, как сусло, вешнее тепло, в темноте у гумна пробивались на свет новые ростки. Гуляла везде весна» [Там же, с. 35]. Взаимосвязанные друг с другом мотивы весны, возрождения, надежды и образ ребенка в рассказе, актуализируемые многообразным эпитетом, метафор («солнечно», «тепльнь»), «знойные песни тетеревиных токов», «небо нежно синело», «отогревшаяся к весне муха», «скворушка»), утверждают идею бесконечного жизненного обновления. Такое восприятие народной жизни отражает народное представление о природных ритмах: «...когда-то все на Руси начиналось с весны. Даже Новый год» [1, с. 10].

Тема весеннего обновления развивается и в рассказе «Скворцы». Павлуня, прикованный из-за болезни к постели, видит смену природных ритмов лишь из окна своего дома. Пейзаж зарождающейся весны вызывает ассоциации с чистотой незамутненного взрослыми проблемами сознания за счет повторов, эпитетов, сравнений и отрицательных местоимений: «Снег в огороде был белый, белый, небо вверху такое синее, как обложка на тетрадке, которую только выдали и на которой не поставлено еще ни одной буквочки, а не то что фамилии» [2, с. 471].

В рассказе «Тезки» красочному летнему пейзажу в начале повествования противопоставлен тоскливый осенний в финале. Такая смена созвучна душевному состоянию героя, потерявшего друга. Сад Анатолия Семеновича, где любил проводить летние дни Толька, за время его отсутствия изменился: «Теперь сад был совсем не тихий. Он шумел от сентябрьского ветра. Влажные листья падали на грядки» [Там же, с. 469]. В рассказе «Старый да малый» осень становится одновременно точкой начала и конца, связывая настоящее с будущим: «А время идет своим чередом, и осень уже вбивает в безбрежное небо последние журавлиные клинья. Пройдет весна, отшумит лето. И скоро, очень скоро перейдет Мишка в другой класс» [Там же, с. 453].

Таким образом, изображение разных времен года в рассказах В. И. Белова обусловлено несколькими причинами. Во-первых, состояние природы отражает психологическое состояние героев, в том числе и детей. Во-вторых, каждое время года обуславливает занятия героев. В-третьих, каждое время года позволяет ребенку открыть ту или иную грань природного мира, который, по мысли А. Ю. Большаковой, играет в произведениях онтологической прозы важнейшую роль: выступает первоосновой, обеспечивающей стабильность в художественном мире традиционалистского текста [4, с. 278].

Мысль о необратимом движении времени и ценности детства как уникального этапа жизни человека рассказе «Не гарывали» акцентируют прилагательные в превосходной степени: «Нам казалось, что там, <...> где всю ночь <...> полыхает наш ясный отрадно-загадочный костер, осталось что-то самое главное, самое интересное и таинственное» [2, с. 7]. В финале рассказа «Даня» выражено понимание детства как момента прекрасного и беззаботного: «Твои страхи велики, но забывчивы, твоя тревога ушла, а мама сидит в твоём изголовье, а ты летаешь во сне, потому что растешь» [Там же, с. 451]. Образ беззаботно спящего ребенка в финале рассказа полон мироотворения и утверждает гармонию жизни. Писатель акцентирует мысль, что «ладный» порядок жизни заключается в том, чтобы человек приобретал физический и духовный опыт постепенно и соразмерно тому этапу жизненного пути, на котором он находится в данный момент. Детская беззаботность – это закономерная особенность определенного звена развития человека, отличающая ребенка от взрослого.

Качественное отличие мировосприятия ребенка и взрослого акцентирует и выбор временных маркеров. В рассказе «Вовка-сатюк» герой словно теряет контроль над временем, что подчеркивает метафоры: «...дни побежали быстро и слились в один красочный, богатый день, который запомнит Вовка на всю жизнь» [Там же, с. 455]. Ценен был не только каждый день, наполненный новыми открытиями, но и все время обретения уникального жизненного опыта. Временными маркерами становятся события, которые детское сознание воспринимает как изменение окружающего мира: Кустик поймал мыш; у кошки отрасли новые усы; начали жать рожь комбайном; ночи стали холоднее и т.д. В. И. Белов комментирует особенность эмоционально-чувственного по преимуществу мировосприятия ребенка следующим образом: «Некая неуловимая грань при переходе одного состояния в иное, порой противоположное, больше всего и волнует в детстве. Дети – самые тонкие ценители таких неуловимо-реальных состояний» [1, с. 141].

Время ребенка живет по иным законам, оно измеряется не количеством лет, а числом событий, повлиявших на становление личности маленького человека. Так, в рассказе «Под извоз» опыт, приобретенный подростком за несколько дней, соотносим с целым жизненным этапом: «Борька же за один этот день становится взрослым» [2, с. 19].

Образ ребенка у В. И. Белова также отсылает к архаичной модели мироощущения. В книге «Лад» фиксируется утраченное современным обществом понимание мира изначально цельным, что находило свое выражение в отношении к труду, одежде, быту. В главах «Круглый год» и «Круг жизни» очерков о народной эстетике акцентируется мысль о цельности времени и пространства, не позволяющая сказать, что какое-то время года или период жизни лучше или хуже. Отличия заключаются в качественном наполнении отдельных этапов.

Концепция детского пространства в рассказах В. И. Белова также отражает особенности онтологической прозы. Чаще всего события происходят в деревенской или сельской местности. Исключение составляет рассказ «Тезки», но в произведении намечено пространство не собственно города, а «городка». Основные события рассказа происходят не на центральных улицах, а в заброшенном саду, на пустыре.

Пространство деревни в рассказах В. И. Белова не только подробно описано, но и наделено ценностными характеристиками. Так, в рассказе «Вовка-сатюк» с деревней связаны самые теплые воспоминания ребенка: «И, может быть, когда он будет большим, снова придет сюда и увидит на стене, у печки, следы неровных, шагающих букв: Вова Петрович» [Там же, с. 451]. Изображение деревни ориентировано на идеальную, с точки зрения народной культуры, модель быта, функционирующую в соответствии с выверенными веками традициями.

В пространственной организации рассказов В. И. Белова можно наблюдать так называемое «стягивание пространства к доминантному символу» [4, с. 128]. При этом доминантой может выступать как пространство закрытое (изба, сад, школа, школьный двор), так и открытое (поле, дорога). В качестве доминантных символов в закрытом пространстве выступают такие детали быта, как печь («Мальчики», «Калорийная булочка», «Скворцы»), окно («Скворцы», «Даня»), стол («Колоколена»), крыльцо («Вовка-сатюк»), что также не случайно. Печь, окно, стол испокон веков были не только важнейшими деталями интерьера русской избы, что обусловлено их практической необходимостью в быту, но и служили как «вход / выход и укрытие от внешнего мира», «визуальная и сакральная связь с окружающим миром» [8, с. 130-131].

Пребывание дома для детей в рассказах В. И. Белова отождествляется с защитой и спокойствием. Атмосфера неизменного покоя, уюта деревенской избы («Колоколена») противопоставлена на звуковом уровне городскому шуму (мерное гудение мух в избе – резкое гудение машин за окнами города). Рассказчик, посещая свою знакомую, фиксирует неизменность этого ладного порядка за счет повторов «тоже», «по-прежнему». Эпизод чаепития за столом акцентирует мысль о единении разных поколений (старики, взрослые и внуки). Печка в рассказах «Мальчики», «Калорийная булочка» помогает согреться, восстановить утраченные физические силы.

В рассказах В. И. Белова, как и у В. Г. Распутина, и В. П. Астафьева, ребенок чаще изображается в пределах открытого пространства. Доминантными топосами В. Г. Распутина является озеро Байкал и тайга («Соболь», «В тайге над Байкалом», «Век живи – век люби»), река Ангара («Красный день», «На реке Ангара»), у Астафьева – озеро («Белогрудка», «Васюткино озеро») и тайга («Царь-рыба», «Мальчик в белой рубашке»). У В. И. Белова открытое пространство – это улицы («Мальчики», «Тезки», «Старый да малый»), поля («Не гарывали»), дороги («Под извоз», «Иду домой», «Скакал казак»). Эти отличия пространственной организации обусловлены, на наш взгляд, стремлением писателей зафиксировать детали, воссоздающие уникальный образ своей малой родины (Красноярского края – у В. П. Астафьева, Иркутской области – у В. Г. Распутина, Вологодской области – у В. И. Белова).

Несмотря на отличительные черты, пространство ребенка в рассказах В. П. Астафьева, В. И. Белова, В. Г. Распутина объединяет несколько особенностей. Во-первых, в противовес символической защищенности ребенка в доме открытое пространство созвучно психологическому состоянию героев, которые чувствуют, с одной стороны, свободу, с другой, понимают свою незащищенность. Во-вторых, особенности топосов в рассказах связаны с вариативностью концовки. В-третьих, открытость, незащищенность детских судеб акцентирует вопрос о будущем и перспективах развития русского народа.

В рассказах о военном и раннем послевоенном времени («Скакал казак», «Мальчики», «Такая война», «Калорийная булочка») интенсифицируется участие детей в делах и проблемах взрослых. Писатель показывает, как они трудятся наравне со взрослыми. Подросток Славко («Скакал казак») работает по хозяйству, бросив школу после 3-го класса: «...уже есть не просит, целыми днями дома не бывает, а вон суслоны возит, то льняные снопы» [2, с. 60]. Оське («Калорийная булочка») приходится периодически бросать учебу, чтобы просить милостыню. Ленька («Мальчики») ворует уголь, чтобы растопить печь. Рассказчики в «Иду домой», «Не гарывали» вспоминают о трудовом детстве, когда приходилось помогать старшим по хозяйству.

В рассказах, описывающих жизнь в мирное время («Вовка-сатюк» и «Скворцы»), детский труд качественно отличается от взрослого. Приучение ребенка к труду происходит как естественный и закономерный процесс: он видит, как трудится его отец («Даня») и дед («Вовка-сатюк»). И под воздействием этого примера у ребенка тоже возникает желание убирать снег с крыши, полоть грядки. Такое качественное отличие трудовой деятельности ребенка в мирное и военное времена подчеркивает разрушительное воздействие на ребенка разлада мирной жизни. Нарушение ее естественных ритмов надрывает не только физические силы, но и навсегда ломает неустоявшуюся психику. Кроме того, это противоречит концепции труда, которая испокон веков развивалась в русской традиционной культуре. В книге «Лад» писатель подчеркивает, что приучение к труду начиналось с самых ранних лет, но происходило постепенно. Ребенок начинал подражать взрослым: «Труд из осознанной необходимости быстро превращался в нечто приятное и естественное, поэтому незамечаемое» [1, с. 11].

Жизнь детей в послевоенное время наполнена своими трудностями, заботами. Павлуна («Скворцы») прикован к постели из-за больных ног. Толя («Тезки») теряет нового друга, герой рассказа «Иду домой» чуть не погиб, заблудившись в лесу. В рассказах «Даня», «Вовка-сатюк», «Старый да малый» испытания героев гораздо меньшего масштаба во взрослом понимании, но осознаются ими как самое ужасное событие. Искренне переживает Даня, оставшись один без мамы. Много тревог вызывает у городского мальчика Вовки неизвестный и таинственный мир деревни. Для Мишки самым страшным событием стал выговор родителей за испорченную кепку.

Рассказы о детях В. И. Белова объединяет мысль о том, что дети остаются детьми в любой ситуации. Если в рассказах в образе ребенка В. Г. Распутина повествователь в большей степени акцентирует внимание на метафизических процессах, связанных с превращением ребенка во взрослого, то у В. И. Белова в центре внимания оказывается инаковость детского мышления, выражающаяся в поступках, образе мыслей и речи. Несмотря на то, что детство у В. И. Белова всегда сопряжено с испытаниями, оно самоценно, о чем рассуждает герой рассказа «Иду домой»: «В детстве у меня было больше опасностей, чем сейчас. Трагические случаи ежедневно подстерегали любого из нас, может быть, потому, что мы ничего не знали о них... А мы опять выживали, правда, не все» [2, с. 477].

В отличие от взрослых персонажей, вызывающих разную оценку, дети в рассказах В. И. Белова всегда позиционируются как абсолютно положительные и духовно целомудренные, что проявляется в их доброте, чуткости, особой силе воли, способности достойно пройти все испытания. Так, самым страшным событием для Ленки и Вани («Мальчики») стала вакцинация в школе, а трудности жизни в военное время герои переносят с мужеством, несмотря на то, что у них один задачник на двоих, хочется есть и мерзнут ноги. Мерзнувшие ноги в начале рассказа акцентируют мотив страха и холода, которые сливаются в одно чувство тревожности маленького человека перед неизвестным: «Ребята молчали, кое-кто “продавал дрожжи” от страха и холода» [Там же, с. 37]. После укула сбегавший из школы Ленка чувствует: «Морозило крепко. Поселок весь заиндвел» [Там же, с. 38]. Возвращаясь домой, Ленка обнаружил Ваню, который, замерзая, «сидел и дрожал. Губы у него были совсем синие» [Там же, с. 40].

Не только пространственно-временное, но и ценностное восприятие отличает ребенка от взрослого. Об этом рассуждает писатель в очерках о народной эстетике: «Способность игнорировать неприятное и ужасное (например, смерть), вероятно, главный признак детской поры. Но это не значит, что обиды детства забывались быстрее. И злое и доброе детская душа впитывает одинаково жадно, дурные и хорошие впечатления запоминались одинаково ярко на всю жизнь» [1, с. 139]. Так, в рассказе «Калорийная булочка» рассказчик вспоминает: «Я еще не умел тогда плакать от того горя, которое было постоянным и непрерывающимся. Ревел только от короткой обиды или боли» [2, с. 589]. Мир для ребенка открывается в иных красках, цветах и запахах. Он может чувствовать запах луны («Даня»), верить в зеркального карпа и волшебного дрозда («Тезки»), представлять сербиянку в виде женщины, продающей пирожки («Мальчики»), радоваться кепке («Старый да малый»).

Таким образом, образ ребенка в рассказах В. И. Белова функционирует в особых пространственно-временных координатах. Их специфика обусловлена особенностями детского восприятия, качественно отличающегося от взрослого. Связь чувств, эмоций и состояний ребенка с природными ритмами подчеркивает особую чуткость, невинность, искренность детской души, выступающей нравственным идеалом. Образ ребенка в рассказах В. И. Белова актуализирует основополагающую проблему онтологической прозы продолжения жизни и рода. Как и в произведениях В. П. Астафьева, В. Г. Распутина, Ф. А. Абрамова, затрагивающих тему детства, в основе рассказа В. И. Белова лежит ситуация, влияющая на становление личности. Соотнесенность жанровой структуры также обусловлена функционированием мотива памяти, позволяющему установить логику взаимосвязи времен.

Отличительными особенностями изображения ребенка у В.И. Белова является выраженный в большей степени, чем у Распутина, Астафьева и Абрамова, процесс рефлексии, так как повествование часто ведется от лица рассказчика, анализирующего события своего детства. Доминирование самоанализа в повествовательной структуре рассказов обусловлено тем, что именно искреннее детское сознание у В. И. Белова способно видеть мир целостным, понимать истинную суть вещей. Открытые пространства дороги, поля, улицы у В. И. Белова, в отличие от более детально конкретизированных пространств В. Г. Распутина, В. П. Астафьева и Ф. А. Абрамова, актуализируют символический смысл, связывающий образ ребенка с идеей вечного возрождения, утверждением ценности жизни.

Список литературы

1. Белов В. И. Лад: Очерки о народной эстетике. М.: Молодая гвардия, 1982. 293 с.
2. Белов В. И. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Современник, 1991. Т. 1. 608 с.
3. Блескун Л. В. Человек и его судьба в русском рассказе 1960-80-х годов (В. Астафьев, В. Распутин): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1992. 21 с.
4. Большакова А. Ю. Феномен деревенской прозы (вторая половина XX века): дисс... д. филол. н. М., 2002. 403 с.
5. Валенцова М. М. Магические функции еды // Традиционное русское застолье: сб. статей / Государственный республиканский центр русского фольклора. М., 2008. С. 202-215.
6. Зимин В. Я. Тема детства в творчестве К. Д. Воробьева: дисс. ... к. филол. н. Курск, 2004. 192 с.
7. Кузина А. Н. В. Астафьев, В. Распутин: художественное осмысление нравственно-философских проблем современности: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1992. 21 с.
8. Лантух Н. А. Дом как сакральный центр и сакральная граница в русской национальной картине мира // Культура народов Причерноморья. 2000. № 13. С. 129-135.
9. Лейдерман Н. Л. Движение времени и законы жанра. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. 256 с.
10. Распутин В. Г. Уроки французского // Уроки французского. Повести. М., 2004. С.607-638.

A CHILD'S IMAGE IN THE STORIES BY V. I. BELOV

Tsimbalova Yuliya Aleksandrovna

*Tyumen State University
rijuliya@yandex.ru*

The article analyzes the interaction of two worlds – child's and adult's, organic child's involvement into the sphere of adults' activity, which is caused by the traditional way of life, historical time, in which events take place (Great Patriotic War, post-war period). The author brings to light the place of a child-hero in the system of characters, the status and functions of this image in theme, space and time organization of stories, and also a valuable aspect of a child's image in the structure of short prosaic form of V. I. Belov. The author relies on V. I. Belov's concept of a "must" existence, documented by the writer in the book of essays on folk aesthetics "Lad" (Harmony).

Key words and phrases: short prosaic form; ontological prose; child's image; place of a child-hero in the system of characters; historical and literary context; space and time organization; folk aesthetics.